УДК 821.161.1-4(091”19”Солоухин

С. Н. Артановский

Эссеистика Владимира Солоухина

Статья содержит обзор очерков Владимира Солоухина в хронологической и тематической последовательности. В отличие от большинства критических произведений 80-х гг. XX столетия, критика существовавших тогда порядков дана в этих очерках не с точки зрения либеральных идей, а в духе консервативно-православного мировоззрения. Солоухин также чужд марксистской идеологии, что делает его одним из предшественников немарксистских «перестроечных» авторов. Солоухина можно характеризовать как патриотического деятеля нашего времени.

Ключевые слова: Солоухин-очеркист, упадок патриотизма в 1920-е гг., возрождение патриотизма, «Прекрасная Адыгене», критика модернизма в искусстве, Михаил Врубель, крестьянская тема, старинные иконы, Гавриил Державин, Сергей Аксаков, Константин Аксаков, Святой Георгий как защитник Руси, Солоухин-консерватор, судьбы православия

Sergey N. Artanovsky

Essays by Vladimir Soloukhin

Article contains the review of sketches of Soloukhin in the chronological order and the critical analysis of these sketches. Soloukhin's outlook is characterized as conservatively-orthodox, 80th years XX of a century resisting the Russian liberalism, though also distant from official marxist ideology.

Keywords: essays by Vladimir Soloukhin, the decline of patriotism in the 1920's, the revival of patriotism, «Beautiful Adygene», criticism of modernism in art, Mikhail Vrubel, the peasant theme, ancient icons, Gavriil Derzhavin, Sergey Aksakov, Konstantin Aksakov, Saint George as a defender of Russia, Soloukhin-conservative, the fate of Orthodoxy

Первые три десятилетия большевистского господства советская идеология находилась во власти интернационализма в его самых крайних проявлениях, без религиозности, модернизма и экспериментаторства в искусстве, рационализма и урбанизма. Суть большевистского интернационализма хорошо сформулировал Владимир Маяковский в своем известном стихотворении «Товарищу Нетте – пароходу и человеку»:

…это –
чтобы в мире
без Россий,
без Латвий,
жить единым
человечьим общежитьем.

Это было написано в 1926 г. Но к середине 30-х гг. стала меняться международная ситуация и вместе с ней – большевистская идеология. Перспектива Второй мировой войны становилась все более реальной. Коминтерновская интервенция в Испании провалилась. Во властные структуры пришли новые люди из провинциальных городов и деревни. И патриотизм стал вновь входить в моду. Точнее, он был введен в моду решениями официальных органов. Но это не был патриотизм сердца, это не была любовь к Родине, искренняя и непосредственная. Это был государственный патриотизм, который так и стал называться советским патриотизмом. И лишь в 1960-х гг., после XX съезда КПСС в обстановке либерализации большевистского режима стало возможным выражение искренних патриотических чувств. Одним из первых, кто озвучил эти чувства, был Вадим Кожанов, публицист и литературный критик. Кожанов впоследствии вспоминал, как недоброжелательно принимали его в советской литературной среде. За спиной произносили слово «Славянофил».

Кожанов написал несколько работ по истории России нового времени, богатых интересными мыслями, а иногда парадоксальных. Так, он старался реабилетировать так называемую «черную сотню», которую либералы и большевики считали бандой погромщиков. Согласно Кожанову, это было движение консервативной интеллигенции, желавшей направить развитие России в мирное русло. Академические историки отнеслись к работам Кожанова скептически. Кто был прав, сказать трудно, но Кожанов усиленно пытался проводить линию на восстановление национальной традиции. Позже Кожанов выпустил книгу о Пушкине, в которой он показал шаткость концепции убийства Пушкина как результат чисто личных неурядиц. На самом деле

это было политическое убийство, для осуществления которого прибегли к коварным личным схемам. Его заказчиком были австрийские дипломаты, часть из которых была представителями Австро-Венгерской монархии, а другая часть, как ни странно, находились в самом царском правительстве. Так, австрийский подданный Лазарь Нессельроде был министром иностранных дел Николая I.

Немного раньше на горизонте появились патриоты из мира музыки, Георгий Свиридов, Валерий Гаврилин, Владислав Чернушенко. Они развивали пушкинские темы, возрождали русский фольклор и использовали его музыкальное звучание. Несколько позднее возникла деревенская литература. Это были Федор Абрамов, Василий Шукшин и самый крупный из них – Валентин Распутин. Повесть Распутина «Живи и помни» войдет в классику русской литературы. Остается упомянуть поэта Николая Рубцова, самобытного русского стихотворца, от стихов которого, как говорится, «русью пахнет». Мы не можем удержаться, чтобы ни процитировать стихотворение Рубцова:

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог…

Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!

Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть…
– Филя, что молчаливый?
– А о чем говорить?

Мы не будем продолжать перечень деятелей культуры – патриотов, таковые были и среди ученых. Добавим к нему имена философов В. П. Тугаринова и Арсения Гулыги. В более поздний период деятельность этой группы, стремившейся к восстановлению русских национальных традиций, продолжил Владимир Солоухин.

Владимир Солоухин является автором как художественных произведений, так и многочисленных очерков, и книг, составленных из этих очерков. С ранней молодости он работал очеркистом, много путешествовал по стране, зорким глазом наблюдая жизнь нашего народа. Писать о Солоухине легко и в то же время тяжело. У Солоухина нет психологических прозрений, нет философской концепции. Он не написал своего «Искушения Святого Антония», как это сделал Флобер. Читая Солоухина, разгадывать нечего, остается только любоваться наблюдательностью автора, легкостью его стиля, четкой направленностью его идей. Главный смысл эссеистики Солоухина заключается в стремлении сохранить и продолжить русскую национальную традицию, собрать то, что уцелело от прошлого, и на этой основе продолжить развитие нашей культуры. Мы начнем рассмотрение очерков Солоухина с его произведения, устремленного как бы в будущее, посвященного нашей молодежи, ее мужеству, выносливости, стремлению к победе. В нем показаны юноши и девушки, готовые потратить время и силы, чтобы полюбоваться красотой природы и проверить свою способность побеждать трудности. В этом отношении «Прекрасная Адыгене» в чем-то соприкасается с основным течением советской литературы, хотя и отличается от нее своей искренностью. «Прекрасная Адыгене» – произведение известное, и мы напомним о его содержании читателю.

Я давно уже прочел все произведения Солоухина, включая его экологический трактат «Трава». Но один из моих приятелей как-то сказал мне: «Все-таки, лучшее произведение Солоухина – его книга об альпинистах». И тут вдруг выяснилось, что этой-то книги я не читал. Я скорее достал книгу, прочел ее и убедился, что мой друг был прав.

Мне очень не хотелось бы излагать ее содержание, ибо прочесть эту книгу должен каждый. Она написана просто, увлекательно и содержит в себе нечто важное: юношеский оптимизм. Это история о том, как писатель в сопровождении своей четырнадцатилетней дочери Наташи поддался уговорам приятеля отправиться с ним в альплагерь и взобрался с группой альпинистов на высокую гору Адыгене. В этом произведении есть много деталей, касающихся техники альпинизма, которые я как человек далекий от спорта преодолевал с трудом. Но не в этом смысл книги. Эта книга о героическом подвиге, который совершила Наташа. Мама очень не хотела отпускать дочь, которую, ко всему прочему, недавно прооперировали. Уже провожая дочь в аэропорт, она подняла два пальца – это означало, что больше двух килограммов девушке поднимать нельзя. Ну и альпинист, которому приходится нести груз в два килограмма!

Но Наташа преодолела все трудности. Она спала в палатке, где под спальные мешки были подосланы хвойные ветки, она шла в одной цепи

с гораздо более взрослыми и опытными туристами, она отказывалась от льгот, она только и мечтала о покорении вершины. Но, как говорится, все мы люди, все мы человеки, и потому и у Наташи, как когда-то у самого Христа, когда он был человеком, была минута слабости. На одном из привалов два бородатых самодеятельных альпиниста вытащили из своих сумок разные вкусные вещи. Наташа крепилась, пока не услышала запаха кофе. Тут она не выдержала и тихо сказала отцу: «Хочу кофе!». Один из бородачей услышал ее слова и без объяснений налил ей чашку горячего кофе. Мир не без добрых людей.

Но у Солоухина этот эпизод имеет и более конкретный смысл. Самодеятельные путешественники имели отличное снаряжение, красивые спортивные костюмы и, как мы уже сказали неплохой рацион в багаже. В отличие от этого, отряд был скудно снаряжен и неважно экипирован. Узнав о самодеятельных туристах, начальство альплагеря приказало отправить их назад, в случае необходимости – силой. Но отряд отказался это сделать.

Тем не менее скрытый антагонизм был на лицо. Так жило все советское общество. Бородачи имели и кое-что сверх того. Это уже надвигалось нечто новое. Все же дело не доходило до открытой вражды. Чашка кофе была связующим звеном между организованными и самодеятельными альпинистами, они принадлежали к одному народу, к русскому народу. Повторяю, альпинистская повесть Солоухина – книга о подвиге, в котором раскрылись молодые дремлющие силы. И о победе над стихией, победе, по силе духа равной той, которую одержали участники Великой Отечественной войны. Хотя, конечно, далеко не столь масштабной. Заключительные страницы повести рассказывают о том, как отряд стоял на вершине Адыгене, наслаждаясь прекрасным видом. Но главное, может быть, было в том, что трудности закалили Наташу, и из хрупкой девочки она сделалась героиней.

Владимир Солоухин родился в сельской местности и, хотя жил и работал в Москве, поддерживал связь с деревней и душой был привязан к русской деревне и к русскому крестьянству. Одна из первых книг Владимира Солоухина «Владимирские проселки» считается едва ли не первым произведением «деревенской литературы» 60-х и последующих годов. Горы, альпинизм – все это хорошо, но стихией Солоухина была русская равнина, широко раскинувшаяся по просторам Евразии. Именно здесь сложился русский народ, впитавший в себя кровь финских племен, живших еще до славян на просторах этой равнины, потом распространивший область своего расселения на значительно бóльшую территорию, но сохранивший своей подлинной Родиной равнинные просторы Владимиро-Суздальской, Киевской и Северо-Западной Руси. Вдоль этого пути основывались малые княжества, которые в течение нескольких столетий сплотились в единый русский народ. Иное дело – Кавказ, Средняя Азия, Дальний Восток. Лишь позже там поселилось много русских, и сказалось цементирующее влияние русской культуры.

Россия издавна была сельскохозяйственной страной, русское крестьянство издревле отличалось трудолюбием, сметливостью, выносливостью, мужеством в защите своих границ, чувством собственного достоинства. Достоинства русского крестьянства составляли основу крепости и могущества Российского государства. В статье «Читая Ленина», увидевшей свет, естественно уже после перестройки, Солоухин с ужасом и отвращением пишет о том, как большевики в революционные и впервые послереволюционные годы натравливали рабочих на крестьян и подрывали жизнеустойчивость народа, лишали его собственного лица. Подвергались преследованию духовные устои его жизни, в центре которых стояло православие. Индустриализация высасывала соки из деревни, люди уходили в города, деревни пустели. Путешествие Солоухина в поисках старины, прежде всего икон и церковной утвари, имело целью спасти из старинной православной культуры то, что еще можно было спасти.

Две самые крупные книги Владимира Солоухина – «Черные доски» и «Время собирать камни» посвящены поездкам писателя по глухим уголкам страны и описанию того, что еще сохранилось из старых духовных богатств, из родной природы и родных нравов. Однако Солоухин писал не только о деревне. Его книга «Письма из Русского музея» была посвящена русскому искусству XVIII–XX вв. Это не была систематическая история искусства того периода, это были отдельные эпизоды этой истории, служившие автору для иллюстрации своих идей. Солоухин возмущался той фальсификации русского искусства, которой подвергли его леворадикальные критики вроде Стасова. Так картина «Свежий кавалер» или «Утро чиновника, получившего первый крест» трактовалась Стасовым как инвектива против николаевского чиновничества вообще. В интерпретации Стасова, чиновник выглядел прямо-таки кровопийцей. Это совершенно не соответствовало замыслу художника П. А. Федотова, который с тонкой иронией изобразил получателя ордена добродушным стариком в домашнем халате, показывающим орден своей кухарке.

Солоухин терпеть не мог модернистское

искусство, всех этих Малевичей, Шагалов, показывая, что их творчество было по сути дела штукарством. Побывав в Париже в Гранд Опера, Солоухин увидел на потолке роспись Шагала с характерными для художника местечковыми темами, вывезенными художником из России. Это были летающие коровы и прочее изощрение, удивительно не гармонировавшие с классицистическими образами большого зала театра, где все напоминало об эпохе королей Людовиков XIV, XV и XVI. Величественные очертания потолка и стен были в прямом контрасте с живописью Марка Шагала. Солоухин был вынужден уйти до окончания спектакля, ибо у него было назначено свидание, которое он не мог пропустить. В гардеробе, когда он одевался, было пусто, и он был не в состоянии удержаться от того, чтобы не пожаловаться пожилой женщине – гардеробщице на это несоответствие. Она вся встрепенулась: «То, что вы говорите, бесспорно, но вы первый, кто сказал мне об этом». Но не все суждения Солоухина были бесспорны. В частности, мы решительно возражаем против уничижительной оценки творчества Врубеля. На этом вопросе надо остановиться подробнее.

В перечень различной модернистской мелюзги Солоухин включает также Врубеля. С этим мы не можем согласиться. По нашему глубокому убеждению, Врубель – выдающийся русский художник, один из представителей новой русской живописной школы, появившейся на Руси в начале XVIII в., процветавшей даже в тяжелые годы господства тоталитарной идеологии и готовой выйти на авансцену дальнейшего развития в наше время. Врубель – художник гуманист. Им его делает постоянное обращение художника к крупным человеческим темам, его тесная связь с русской классикой, в частности с Лермонтовым. Владимир Солоухин утверждает, что «Демон» Врубеля не имеет ничего общего с лермонтовским. На это могут быть два возражения.

Во-первых, за полтора столетия, прошедших со дня опубликования бессмертного произведения Лермонтова, появился, по крайней мере, десяток различных, часто далеких друг от друга, интерпретаций образа Демона. Здесь не место перечислять всех их. Но очевидно, что Врубель как художник имел право дать свое истолкование этого грандиозного образа.

Во-вторых, врубелевский Демон достаточно близок к лермонтовскому. В обоих случаях это не фигура Князя Тьмы, повелителя всякой нечестии на земном шаре. Это Демон так сказать человеческого измерения со слабостями, настроениями, разочарованиями свойственными человеческому роду. Врубелевский Демон похож на лермонтовского своей злободневностью, своим касанием нашим страстям и переживаниям. Другое дело, что Врубель – сын своего века, века поиска новой морали, нового поля человеческих страстей и человеческого поведения. Это конец XIX и начало XX в., когда литература, называвшаяся тогда декаденской, искала новых путей человеческой психики. К этому надо прибавить особенности психики Врубеля. Сохранился анекдотический рассказ об одном из эпизодов пребывания Солоухина на Украине, где он работал одно время в компании других художников на пленэре. Однажды Врубель явился к обеду с носом, запачканным зеленой краской, ему об этом сказали, но он ничего не ответил. На следующий день Врубель явился к обеду художнической братии с носом, аккуратно выкрашенным зеленой краской. На удивленные вопросы коллег Врубель ответил: «Кто знает, может быть в будущем будут ходить с носами, выкрашенными в зеленый цвет». Но это внешнее, шутка, за ней кроется напряженное стремление преодолеть обыденность и выйти в область оригинального и героического, и глубоко художественного.

Модернистской мазне Солоухин противопоставлял русское искусство, наполненное высокой духовностью. В «Письмах из Русского музея» Солоухин рассказывает о выставке старинной русской фрески (копий), Дионисия, Рублева и других в стенах Русского музея. Публики было немного, но пришедшие отнеслись к фрескам с восторгом – за малыми исключениями. Но высокое начальство косо смотрело на выставку, ходили слухи, что ее вот-вот закроют, буклетов почти не было, экскурсии, если таковые вообще были, незаметны. Писатель говорит, что в эти же дни в Москве была выставка архитектуры США, там была толпа посетителей, американские гиды энергично просвещали публику, расписывая достижения американской архитектуры. Выводы читатель может сделать сам. Конечно, с тех пор в нашей стране многое изменилось. Восстановлен Храм Христа Спасителя, там идут молебны и литургии, восстановлены многие другие церкви, уже в советские годы началась публикация книг о старинных православных храмах. Начиная с 90-х гг. она стала значительно интенсивней. Многое восстановлено, но еще больше предстоит реставрировать и, главное, воссоздать. Ибо обращение к старине имеет смысл лишь в том случае, если это может духовно обогатить нас и включить православную русскую традицию в современную российскую культуру.

Однако в годы, когда была написана книга «Письма из Русского музея», не все еще можно было сказать открыто. Вскоре новыми возможностями воспользовались представители

модернистских направлений. Владимир Солоухин не принадлежал к ним. В те годы нельзя еще было сказать, что ты православный верующий и даже монархист. Владимир Солоухин мог только намекнуть на это. Однако уже тем, что он написал, был сделан большой вклад в восстановление православной культурной традиции, нарушенной в 20-е гг. и позже большевиками. Родившись в селе, Солоухин стал жителем большого современного города. Но он остался верен русской почве, складу русского ума, русской любви к православной духовности.

В книге «Время собирать камни» Вл. Солоухин значительно расширяет диапазон своего исследования российского общества, рассказывает о своей поездке по Руси, посещении усадеб Державина и Сергея Аксакова. Позволим себе сделать небольшое отступление, в котором речь пойдет о Гаврииле Державине. Имя Державина как поэта достаточно хорошо известно, но обращения к его творчеству очень редки. В школьные годы нам рассказывали об оде к «Филице», часто цитируют печальную афористическую строку: «Где стол был яств, там гроб стоит».

Известны также пушкинские строки:

Старик Державин нас заметил
И в гроб сходя, благословил.

Приведем небольшое стихотворение Державина:

Судно, по морю носимо,
Реет между черных волн;
Белы горы идут мимо,
В шуме их – надежд я полн.
Кто из туч бегущий пламень
Гасит над моей главой?
Чья рука за твердый камень
Малый челн заводит мой?
Ты, Творец, Господь всесильный,
Без Которого и влас
Не погибнет мой единый,
Ты меня от смерти спас!
Ты мне жизнь мою пробавил,
Весь мой дух Тебе открыт;
В сонм вельмож меня поставил, –
Будь средь них мой Вождь и Щит.

Но продолжим наш рассказ о поездке Солоухина по старинным дворянским усадьбам.

К крестьянской теме прибавляются размышления о старинных барских усадьбах и всей совокупности сословий старой России. Расширение тематики достигается в книге посредством рассказа о поездке Солоухина по заброшенным усадьбам и общим выводам, которые он делает из своих наблюдений. Ему пришлось преодолеть немало препятствий, изъездить много неведомых дорог, прежде чем он добрался до этих мест. Невеселая картина представилась его взору. Помещичьи дома, принадлежавшие ранее русским писателям, заброшены, смутные тени великих предков уныло бродят в одичавших садах.

А ведь мы многим обязаны первому великому поэту новой России – Гавриилу Державину, а также автору прекрасных книг «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» Сергею Тимофеевичу Аксакову. Об уродливой перестройке бывшей усадьбы Аксаковых читатель и сам сможет прочесть в книге Солоухина. Мы же дадим два отрывка из одного справочного издания, характеризующих отца и сына Аксаковых, одного как автора книг, другого – как становящуюся личность. Это тем более необходимо, что в современной интеллигентской публике Аксаковых путают друг с другом.

Страстный рыболов, он захотел вспомнить старые годы, прежние, тихие радости, а вследствие в высшей степени общительного нрава он захотел передать их, объяснить их другим, – и написалась книга… Это были «Записки об уженье рыбы» (1847). В 1848–1851 гг. были написаны «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», в которых еще ярче проявилась вера Аксакова в телесную и нравственную целительность природы.

Главное место в наследии Аксакова занимает автобиографическая художественная проза, целиком основанная на «воспоминаниях прежней жизни» и семейных преданиях. Аксаков-художник отвергал всякое насилие, произвол и пробуждал любовь к жизни, к людям, к природе в ее традиционном, извечном аспекте, поэтизировал усадебный быт, крепость семейных устоев. Так появилась «Семейная хроника». Частная хроника трех поколений Багровых воссоздана на основе широкой панорамы помещичьего быта конца XVIII в.

Продолжением «Семейной хроники» стала автобиографическая повесть «Детские годы Багрова-внука» (1858). Книга не только о детстве, но и сознательно написанная для детей.

Сергей Тимофеевич не был чужд модного тогда среди российской дворянской интеллигенции увлечения славянофильством. Но его сын Константин Сергеевич преуспел в этом гораздо больше, став одним из видных деятелей славянофильского движения. Константин Сергеевич Аксаков родился 29 марта 1817 г. в с. Ново-Аксаково Бугурусланского уезда Оренбургской губернии. Публицист, критик, поэт, историк. Сын С. Т. Аксакова. Детские годы провел в от-

цовских имениях в селе Надежино, патриархальный уклад которого со временем стал для него идеалом социального устройства и воспитал в нем «русское чувство». Уже в раннем возрасте обнаружил все те задатки, которые потом развились в так называемой «славянофильской системе». С 1826 г. его домашнее воспитание продолжалось в Москве[1].

Ограничимся этими двумя отрывками, характеризующими Сергея Тимофеевича как писателя, а его сына как созревающую личность.

Из очерка «Аксаковские места» (1976) мы приведем лишь один эпизод, но зато полностью, не сокращая текста:

> …Я стоял у окна в проходе вагона и смотрел на бегущие мимо холмы и долы. Между прочим, все еще стояла осень, все еще не слышалось прямого и откровенного дыхания зимы, но поезд (дальний, карагандинский) пришел к станции Бугуруслан с заснеженными подножками, и снег этот уже не таял. Через золотые осенние земли западного Оренбуржья так и везли мы на подножках поезда в Москву мелкий въедливый снежок карагандинских степей.
>
> Тут рядом со мной около другого окна остановился пассажир-попутчик. (Тут он рассказал одну историю, связанную с Аксаковскими местами).
>
> – Пара лебедей завелась было на пруде в Аксакове. Прилетели весной и остались здесь выводить птенцов. Что уж их сюда привело? Может, дальняя память, какая. Через эти… гены что-нибудь передалось? Может, их предки водились когда-нибудь здесь, а в крови у потомков и проснулась память об этом месте. А ведь если бы они вывели птенцов, то птенцы уж прилетели бы сюда на другой год как на родину. Обязательно прилетели бы. Так, глядишь, и прижились бы здесь лебеди. Украсили бы пруд и вообще, так сказать, пейзаж. Это же красота, если по пруду плавают дикие лебеди! И Аксакову тоже бы вроде памяти было, как ценителю и певцу природы.
>
> Собеседник замолчал, и я осмелился спросить у него через минуту-другую:
>
> – Что же, лебеди? Почему не прижились?
>
> – Почему, почему… Снесли они два яйца и стали их насиживать. А яйца эти у них кто-то стащил. Может, мальчишки. А то и взрослый охулки на руку не положит. Огромные яйца, крупнее гусиных. Ну и улетели они сразу с пруда, больше уж не показываются. А жаль…
>
> – Конечно, жаль, – подтвердил я. – Разве плохо – лебеди на пруде? Вот я слышал в других странах: в Польше, Чехословакии, Германии, будто лебеди там запросто плавают по озерам. Народ вокруг, население, а они плавают с лебедятами.
>
> – Я вот что скажу: сами же мы и виноваты. Недостойны мы, как видно, своим поведением, чтобы у нас лебеди плавали. Не заслужили. Лебедей – это, брат, заслужить надо…[2]

Теперь мы опять вернемся к тому, что занимает такое место в очерках Солоухина. Жизнь страны он воспринимает, прежде всего, сквозь призму того, что происходило в деревне. В ней царило такое же равнодушие к родной природе, какое проявилось в истории с лебедями, и к родной истории вообще. В частности, происходило массовое уничтожение икон, которые были священным предметом для многих поколений наших предков. Характерным является не только ярость разрушения, исходившая от властей предержащих, но и отсутствие всякого сопротивления тому, которое можно было бы ожидать от народа, дорожившего своими укоренившимися обычаями. Нет, наверное, не дорожившими ими. Церкви закрывались одна за другой, иконы шли на древесные поделки, а иногда и просто на дрова. Кое-кто брал иконы к себе в дом, надеясь спасти их таким образом. Но делалось это в тех случаях, когда для этого не требовалось много усилий. Правда, бывали исключения. Об одном из таких исключений мы сейчас расскажем подробнее.

Пересказывать содержание «Темных досок» мы не станем, ибо книга эта хорошо известна, легко написана и доступна самому широкому читателю. Это история собирательства старинных икон Солоухиным, который пытался спасти то немногое, что еще сохранилось от седой старины. Священные книги русских людей. Мы ограничимся только одним эпизодом, показывающим, что не все проявили такое тупое безразличие к судьбе святых для их отцов и дедов живописных досок. Людей, которые пытались сохранить что-то из старины, было мало. Об одной такой старушке рассказывает Солоухин. Он ехал на машине по Владимирско-Суздальским проселкам, останавливаясь в селах, попадавшихся на встречу, и везде находясь в поисках старинных икон. Однажды до него дошли слухи об особо примечательной иконе, называвшейся Галицкой Божьей матерью. Рассказывали, что она выделялась среди других икон яркостью и свежестью красок, да еще чудодейственными свойствами. В 1848 г. в селе Ельтесуново и в окрестных деревнях была эпидемия холеры, косившая подряд их жителей, и вдруг явилась неизвестно откуда икона Галицкой Божьей матери. Эпидемия стала быстро затихать, а затем и прекратилась вообще. Икону повесили в местной церкви на видном месте, но когда при-

шел большевистский смерч уничтожения церквей, церковь закрыли, а иконы отдали местному учителю, который сложил их в сарае и порубил топором. Но одна женщина, страстная поклонница иконы, узнала об этом, ночью прокралась к сараю, нашла спрятанный ключ, открыла тяжелый замок и при свете свечи, каким-то невероятным образом разыскала один обрубок своей любимой иконы. Она заперла сарай, а то, что осталось от иконы, унесла домой и спрятала. Прошло много времени, односельчане забыли об этой иконе, но вот в одной избе устроили маленький иконостас-выставку спасенных икон. Посмотреть эти иконы пригласили Солоухина. Когда он посмотрел на иконы, то почувствовал разочарование. Иконы были новые. И блеск красок не искупал их низкой коллекционной ценности. Солоухин заметил маленькую доску неопределенной формы, темную настолько, что рисунок было трудно разобрать. Но взять в руки ее ему не разрешили. Хозяйка иконы, теперь уже пожилая женщина, стремительно подхватила доску и побежала домой. Солоухин спросил присутствующих, не смогут ли они заполучить старинную икону. Его желание иметь ее стало еще больше, когда ему рассказали ее историю, историю иконы Галицкой Божьей матери. Но односельчане хором ответили, что богобоязненная старушка, сестра которой была монашенкой, ни за что не отдаст бесконечно дорогую для нее икону-обрубок. Пришлось возвращаться с пустыми руками. Но такой случай был исключением. «Народ-богоносец», на которого так уповали интеллигенты предреволюционной поры, оказался постыдно равнодушным к тому, что было святыней для его отцов и дедов. В одном месте, рассказывал Солоухин, я видел кормушку для скотины, сделанную из того, что было раньше иконами. И это было дело рук самих крестьян-колхозников.

Правда, были всегда на Руси защитники Отечества, Веры и обычаев, следование которым делает жизнь достойной, чтобы ее прожить. Народ воплотил свою мечту о таком защитнике Отчизны в образе Святого Георгия, почитание которого, строительство храмов в честь которого, началось еще до Ярослава Мудрого, а при нем получило большое распространение. Владимир Солоухин всегда мечтал иметь в своей коллекции икону с изображением Святого Георгия Победоносца, поражающего дракона. Казалось бы, иконы с таким сюжетом не столь уж редкая вещь, но Солоухину не везло, он так и не стал обладателем желанного предмета. Свои размышления по поводу того, что изображено на этой иконе, ему пришлось считывать даже не с самой иконы, а с немецкой репродукции ее. Правда эта репродукция была сделана отлично. И не такой это был редкий случай, чтобы русскому человеку приходилось знакомиться со своим культурным достоянием по иностранным источникам. Репродукция даже имитировала неровности дерева. Стоя перед этой репродукцией, Вл. Солоухин любовался ею и предавался размышлениям.

> Вот уж, правда – ничего лишнего. Может быть «изящный» (изящное искусство) происходит от слова «изъять»? Изъять подробности, все дробящее, все путающееся перед глазами, отвлекающее внимание. Белый конь, огненный фон, поверженный змий, а по диагонали – копье возмездия.
>
> Не только потому я держу у себя репродукцию этой иконы, что она действительно гениальна, Но и потому, что очень люблю этот символ: Георгий, поражающий чудовище и освобождающий тем самым плененную, обреченную на съедение царевну[3].

Так размышлял Солоухин.

Икона действительно великолепна, но слово «Возмездие» вызывает сомнение. Для людей, которые собственными глазами видели, как взрывают храмы, внутреннее требование возмездия было естественно, но с тех пор прошло много лет. Нет уже людей, которые осуществляли эти варварские акции, и людей, которые видели это и пережили как очевидцы. Нет государства, которое организовало это варварство. Наконец, нет самой той эпохи. В чей адрес будет адресоваться возмездие? Не приведет ли оно к разжиганию дурных чувств? Сейчас нам нужно единство нации, объединенной продолжением великой русской традиции и упорно стремящейся вперед, несмотря на слабость российских сил сегодня. Этому благородному делу не служит очерк Солоухина, посвященный родословной Ленина. В очерке доказывается, что у Ленина «не было ни капли русской крови», по отцу он был калмык, по матери – еврей. Может быть, это было именно так, но очерк в десяток страниц, посвященный доказательству этого утверждения, представляется нам излишним. Теперь Святой Георгий дорог нам как витязь Победы, несущий на своем копье освобождение и справедливость.

Этот очерк вместе с «Читая Ленина» стоит несколько особняком в эссеистике Солоухина. На наш взгляд, это своего рода «Возмездие» издыхающему, побежденному дракону. Солоухин не добавляет, что Вождь революции был из семьи образованных дворян и человеком вполне русской культуры. Хорошо еще, что в очерке содержится утверждение о том, что русский

народ – понятие духовное, иначе сочинение Солоухина было бы похоже на писания членов общества «Память» начала 90-х гг. XX в.

Эссеистика Владимира Солоухина характерна для двух последних десятилетий существования советского режима в стране. К этому времени давление официальной идеологии стало ослабевать, и появилась возможность сказать что-либо критическое. Этим воспользовались многие, в том числе и Солоухин. Именно в силу критического настроя «Письма из Русского музея» имели большой успех. Интеллигенция была почти единодушна в своем оппозиционном настроении по отношению к официальной идеологии. Но, в начале 90-х гг., когда советская власть рухнула, ситуация изменилась. Еще недавно либеральная в своем настрое российская интеллигенция раскололась на несколько направлений. Во-первых, это были «прогрессивно» настроенные деятели, желавшие, чтобы российская культура влилась в глобальную культуру, и примыкавшая к этой группе когорта интеллигентов, считавших, что культура должна развиваться совершенно стихийно, в борьбе различных направлений и тенденций. Во-вторых, это была консервативно-патриотическая группировка, корнями уходившая в традиционную для русской культуры славянофильско-почвеннеческую традицию. Если представителям первого направления был Виктор Ерофеев, то вторую возглавляли Станислав Говорухин и Валентин Распутин. К ним примыкал и Владимир Солоухин. Главным вопросом, служившим предметом ожесточенных дискуссий, было содержание понятия «Русский Путь» – является ли это вхождение в современную евро американскую культуру или нечто особенное, продолжающее древние традиции Московии и Российской империи. Сильной стороной консервативно-православной группировки было изобилие исторического материала и опора на быт и психологию российского крестьянства. Такова была и позиция Солоухина. Но, пока шли дискуссии, глобализм и американская массовая культура все больше подчиняли себе мышление современного российского общества, и вскоре оказалось, что консерваторы вынуждены занять оборонительную позицию. Правда, происходило **возвращение** эмигрантской культуры, стал массовым интерес к «Серебряному веку». Выходило много изданий и переизданий русской художественной и научной классики XX в. Эти публикации были опорой консерваторов. В этом участвовал и Владимир Солоухин.

Споры о Русском Пути продолжаются и сейчас. Аргументации и факты, на которые ссылаются Солоухин и другие консерваторы, не устарели. Консервативно-православное направление подпитывается возрождением патриотических настроений в некоторых слоях российского общества. Но, практически культура российского общества, как мы только что сказали, все более погрязает в низкопробном модернизме современной глобальной культуры. Что будет дальше, мы вскоре увидим. Будет ли продолжена национальная традиция как мощный поток, струящийся от древности и через современность в будущее, – не является бесспорной перспективой. Консервативно-православному направлению грозит опасность стать музейной демонстрацией культуры, на наших глазах уходящей в прошлое. Нужны свежие силы, чтобы вдохнуть жизнь в старину и сделать ее основой культуры нового общества. Это новое общество не будет жизнеспособным, если не будет осуществлен инновационный рывок к принципиально новым структурам политики, экономики и быта.

Отдельной строкой скажем несколько слов о православии современной России. Православие, безусловно, является очень значительной частью русской национальной традиции. Тысячу лет оно было таковой, и внесло большой вклад в формирование русского национального характера и поддержание российской государственности. «Упадок веры, – писал Павел Флоренский, – явился предпосылкой общего упадка культуры». Эта точка зрения вновь проявилась в писаниях послеперестроечных консерваторов. Она свойственна и Солоухину, хотя он избегает категорических формулировок на этот счет. Однако сегодня в нашей стране есть немало людей, которые считают, что православие исчерпало свои творческие силы. Тем не менее в России наблюдается значительное возрождение православного влияния. В церквах много народа, появилось немало православных образовательных заведений. Кто возьмет верх – верующие или скептики – покажет будущее.

В нашем повествовании мы вышли за пределы заявленной в названии темы. Но мы сделали это с целью дать контекст эссеистики Солоухина как выражению определенного мировоззрения.

Примечания

[1] Русские писатели, 1800–1917: биогр. слов. / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Совет. энцикл., 1989. Т. 1: А–Г. С. 32.

[2] Солоухин В. Время собирать камни: очерки. М.: Правда, 1990. URL: http: // rus-sky. com (дата обращения: 19. 09. 2013).

[3] Солоухин В. Письма из Русского музея // Солоухин В. А. Слово живое и мертвое. М.: Современник, 1976. URL: http: // lib. ru (дата обращения: 19. 09. 2013).